

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

**МИХАИЛ
ЛАНЦОВ**

ПОМЕЩИК

КНИГА ТРЕТЬЯ

РАТНИК

МОСКВА
2022

ЯУЗА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

Ланцов, Михаил.

Л22 Помещик. Книга третья. Ратник / Михаил Ланцов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-165312-5

Третья книга из цикла «Помещик» от признанного мастера жанра! Вопреки сопротивлению врагов и саботажу «друзей» юный помещик Андрей Прохоров выжил. Освоился, отбил, создал приличное снаряжение и оружие, обзавелся соратниками. Стал моральным авторитетом в Туле и поместном полку.

Но завистники не дремлют — Андрея с небольшим отрядом отправляют в дальний поход, который должен закончиться трагедией. Против него стягиваются татарские и ногайские отряды со всей степи. Они думают, что Прохоров — дичь, а они — охотники! Но довольно быстро молодой ратник показывает степнякам, что загнанный зверь очень опасен!

А пока крохотный отряд русских воинов кружит по приграничью, отбиваясь от многочисленных супостатов, над головой Андрея потихоньку сгущают тучи куда более страшные. Ибо он невольно все больше и чаще привлекает к себе интерес влиятельных людей из Москвы. Включая царя Иоанна свет Васильевича...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165312-5

© Ланцов М.А., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

1553 год, 2 декабря, Тула

а ты спятил! — воскликнул Панкрат и хлопнул по столу.

— Я?! — удивился Андрей, смотря прямо в глаза новгородскому купцу, прибывшему с родственником Агафона. — Так мне уйти?

— Нет! — хором воскликнули все присутствующие.

— Тогда какого лешего вы мне голову морочите?! — рявкнул Андрей, заводясь напоказ.

— Хорошо, — примирительно подняв руки, произнес Агафон. — Давайте все успокоимся.

— Эта грамота, — указал Андрей на бумагу, лежащую на столе, — дает МНЕ право платить мыт¹ лично царю. Треть от всего, что я получу торгом. Мне,

¹ Мыт — место, где взимались торговые и проезжие пошлины через заставы у городов и крупных селений, а также общее название пошлин. Устанавливались правительством с XII века. С XVI века заменяется замытом (вместо мыта) — новым типом пошлины с торговли, провоза и приезда (привезенных денег), который нередко продолжает по инерции называться мытом. Размер замыта устанавливается в 1/200 суммы товара/денег. Немного само по себе. Но застав было очень много, из-за чего мыт/замыт взимался многократно. Кроме того, мыт/замыт взимался не с прибыли, а с оборота. Упразднены в основном Торговым уставом 1653 года.

не вам. А значит, никто не посмеет требовать с меня сверх этого.

— Вот именно! Тебе! — воскликнул Панкрат. — Нам-то что с того?

— А вы хотите платить мыт как обычно?

— Мы все равно будем его платить.

— В том-то и дело, что нет. Смотрите. Официально торг веду я. Вы выступаете как нанятые мною купцы, ибо лично торг вести мне неуместно. С вами я заключаю ряд, определяющий вашу долю в прибыли.

— И ты с нами будешь по всей Руси бродить? А как же твоя служба?

— Зачем бродить?

— Как зачем? — удивился Панкрат. — Как мы в Новгороде станем доказывать твое право на мыт лично царю?

— Мы продавать будем тут. В Туле. Церковь же готова покупать краску. И ей все равно — тут или в Новгороде. Так ведь? — спросил он у отца Афанасия.

— Истинная правда, — степенно кивнул священник.

— А значит, никуда ее везти нет необходимости. Я товар привожу в Тулу. Вы его продаете в Туле. Получаете деньги. Царю откладываем его долю. Церкви — ее. Остальное — мое и ваше.

— А если тебя в городе не будет во время торга?

— Мы составим ряд на бумаге в трех списках. Один будет у вас, один у меня, один у церкви. В ряде том укажем, что действуем на основании царской грамоты. И если меня не будет рядом, то отец Афанасий или иной представитель церкви все подтвердит.

— Без всякого сомнения, — вновь кивнул отец Афанасий.

Он действовал без санкций митрополита. Однако понимал — тот возражать не станет. Так как совсем недавно нарочным передал приказ — оставить Андрея в покое. Но ведь в данном случае речь шла о выступлении в роли арбитра. За плату. Да еще и по инициативе самого Андрея. Что, безусловно, будет поддержано церковным руководством.

— А светильное масло? А иные товары? Их тоже церковь будет выкупать?

— Если пожелает, но не обязательно.

— Тогда как мы их станем продавать? Ведь мыт за торг с нас в Новгороде или иных местах спросят. А грамоты твоей под рукой не будет, да и на ряд наш никто в иных местах может и не посмотреть. Это тут тебя знают. А там?

— Беды в том великой нет...

— Как нет?! — перебил его Панкрат, но Андрей вскинул руку в останавливающем жесте.

— погоди. Беды в том великой нет. Вы возьмете те товары малым числом для показа. И если покупателя они будут устраивать, то заключите с ним ряд от моего имени. Возьмете деньги и привезете сюда, в Тулу. Заберете товар. И увезете ему. Торг пройдет тут. А там — передача, без всякого торга. А значит, и мыт братъ не с чего.

— А за провоз товара?

— Так вы ведь не на торг везете.

— Когда это кого-то волновало? — фыркнул Панкрат, но уже не так раздраженно.

— Тогда мы будем писать грамотку о том, что товар сей куплен в Туле и мыт за то уже уплачен лично

царю. Сразу. Весь. Вряд ли после таких слов власти на местах станут сильно голову морочить. Чай, не прохожий случайный, а человек, ведущий дела лично с Государем, и обижать его не след.

— А не лихо берешь? — после долгой паузы спросил Панкрат. — Не боишься, что с тебя Государь спросит за такое самоуправство?

— Чтобы он не спросил, нужно нам не только о прибытках своих думать, но и о делах державных. Мы торгуем тут, в Туле, прикрываясь грамотой Государя? Торгуем. А значит, нам нужно заняться всяческой поддержкой местного полка городского.

— Поддержкой?

— Создадим общество соблагоденствия воинства тульского. И станем в складчину туда давать часть доходов. А из тех денег помогать безвозмездно тем бедным воинам, что служат честно, но поиздержались от войны или разорения.

— А не выходит ли, что мыга больше, чем обычным делом? — поинтересовался Агафон.

— А сколько выходит?

— Ну... Царю ведь треть надо отдать.

— Так треть прибытков, а не треть вырученных денег. И церкви нашей тоже с прибытков десятую долю давать. Я беру половину десятой доли. Остальные пятьдесят две сотых доли от прибытка — ваши... — Здесь Андрей, конечно, лукавил. Потому что «стоимость товара» он забирал во многом себе. Из-за чего получал не только свой процент с прибыли, но и стоимость товара. И если со светильным маслом то было и так ясно, то с краской — нет, но болтать о том он не спешил. — И плюньте мне в лицо, если на постоянных торговых путях от Новгорода

ПОМЕЩИК. КНИГА ТРЕТЬЯ. РАТНИК

до Тулы без хитростей вы платите в мыт меньше семидесяти сотых от прибýtка. Так что даже если мы станем долей по пять с сотни откладывать в казну этого общества, не обнищаем. И в пользе будем заметной.

— Восьмидесяти, — поправил Андрея Панкрат. — Если все честно делать, то мыта за торг и проезд мы теряем восемь-девять десятых от всех прибýtков. Правда, не от Тулы, а от Москвы. Но...

— Вот! — поучительно поднял палец Андрей. — Очень важно, чтобы Государь наш увидел — мы не только мошны ради своей стараемся, а стремимся укрепить пограничье державы его. Притом добровольно о ней печемся. Правда, в таких делах нужно держать нос по ветру, чтобы не потерять голову...

Часть 1

ИСПАНСКИЙ ГАМБИТ¹

— Снова обыск? Сейчас я понятого позову.

— Не надо понятого. Мы просто посидеть пришли. В засаде.

к/ф «Ширли-Мырли»

Глава 1

*1554 год, 12 января, вотчина Андрея
на реке Шат*

Давай! — крикнул Андрей, и дядька Кондрат, прищпорив коня, рванул вперед, удерживая копые под мышкой.

К его седлу уже была прикреплена бечевка с упором для копыя, что позволяло наносить им таранный удар даже при достаточно высокой посадке в седле. И не опасаясь при этом вылететь. А шпоры, которые нацепили на сапоги, облегчали разгон.

Дядька Кондрат, как и многие поместные дворяне, подражал степным воинам и не носил шпор. А для понукания своего «волосатого мопеда» применял нагайку, висящую у него обычно на кисти. В принципе решение. Беда была лишь в том, что во время боя, когда твои руки заняты оружием, применять нагайку становится категорически сложно.

¹ Испанский гамбит — вид шахматного дебюта, при котором белые, добровольно отказываясь от рокировки, стремятся опередить противника в развитии и создать сильный центр.

Вот и получалось, что во время бегства или преследования подгонять коня не представляло особых сложностей. Но не в бою. Из-за чего Андрей и настоял на том, чтобы все, кто пошел под его руку и готовился для конного боя, нацепили изготовленные Ильей шпоры.

Разгон.

Переход на рысь, а потом в галоп.

И удар.

Специальная мишень на поворотном рычаге оказалась поражена. Скорость же, которую дядька Кондрат набрал, позволила ему проскочить вперед быстрее, чем по его спине ударил мешок с песком. Этакий противовес на втором плече поворотного рычага. Он выполнял две функции. С одной стороны, обеспечивал «массу цели», чтобы при тренировке привыкать бить по мишени, которая бы сопротивлялась выбиванию из седла так же, как и реальный степной всадник. С другой стороны, этакий регулятор скорости.

— Вот видишь! — воскликнул Андрей. — Видишь! Получилось!

— Да уж... — согласился Кондрат и поежился. Предыдущие несколько десятков раз он получал по загривку мешком с песком. Прежде всего из-за того, что не разгонялся должным образом. Не привыкший он к шпорам.

Из-за шпор, кстати, пришлось удлинить лямки стремян и понизить посадку. Да, крутиться-вертеться стало несколько сложнее, но оно того стоило. Во всяком случае, по мнению молодого вотчинника...

— Опять вые...ваешься? — тихо спросила супруга у Андрея, осмотревшись перед этим по сторонам, чтобы никого рядом не было.

— А? — не сразу понял он.

— Я говорю, опять против общества идешь? Никто ведь так не воюет ныне.

— Не воюет. Но и шишек им полный зад да кирпичом по... хм... лицу, — пожал плечами Андрей. — Сами себе злобные буратины. Что мне с них?

— Ты снова будешь белой вороной. Забыл, чем это чревато?

— Слушай. У меня просто нету выбора.

— Выбор есть всегда.

— Но частенько альтернатива настолько хуже, что ею можно пренебречь.

— Почему хуже? Воюют же. И недурно воюют.

— В том-то и дело, что дурно. Нельзя победить водяного в реке по его правилам...

— Чем же эта твоя затея лучше?

— Понимаешь, — произнес Андрей, переходя на нормальный русский язык и, в свою очередь, оглядываясь по сторонам, — примерно век спустя Алексей Михайлович в куда более тяжелых для поместного войска условиях начнет создавать отряды конных копейщиков. У многих из них не будет даже панциря. А под седлом у них окажутся не мерины и даже не меринки, а меринцы, то есть крупные пони. Но даже такие конные копейщики покажут себя удивительно эффективными против степи. Почему? Бог весть. Может, из-за организованности и слаженности. Может, из-за склонности к решительному натиску. Может, еще почему. Но ими постоянно затыкали дыры по всему югу, а нередко и против Литвы использовали для борьбы с их поместными, что по татарскому образцу воевали. Ну или, как тогда говорили, по казачьему.

— Почему же тогда не произошло всеобщего перехода к такому бою у конницы?

— Потому что, — развел руками Андрей. — Конные копейщики по честности службы стояли ниже обычной поместной конницы, что держалась за свои традиции боя и вооружения. Оттого в них шли только самые бедные и разорившиеся помещики. И только лишь поднявшись, старались уйти обратно — в поместную службу. Да чего и говорить — когда в Новгороде Алексей Михайлович попытался развернуть свой полк крылатых гусар, даже в него набрать людей оказалось проблемой. НАМНОГО меньшей, но проблемой.

— Не понимаю... — покачала она головой. — Ты что, думаешь, что люди дураки?

— Просто ленивые жопы. И лень эта не всегда в делах. Иной раз глянешь — труженик, а приглядишься — он просто ленится подумать и оптимизировать свой труд. А потому и упахивается до потери пульса.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что, по моему мнению, человек — существо едва разумное. Я бы даже сказал — условно разумное. Мозг вроде бы есть, но пользоваться им он не любит. Ленился. И обожает держаться всего привычного, обычного и естественного для него. Любое изменение кажется злом. Особенно если имеет место страшный дефицит всего и вся, и нужно выживать. Казалось бы — кризис. Нужно шевелиться. Но нет. Именно в кризисных условиях самые крепкие и твердолобые ретрограды, ибо любая ошибка может стоить им жизни. Поэтому помещики этой эпохи, как и крестьяне, очень долго держались традиций. И Петр не зря их ломал через колено.

— Тем более! Зачем ты прешь против ТАКОГО мощного течения?

— Потому что у меня нет выбора. Если я стану играть по их правилам, то проиграю.

— А если пойдешь против системы, то выиграешь? — скептически выгнула бровь Марфа.

— Милая, — произнес Андрей и ласково огладил ее животик, — я совсем иначе действую, нежели Алексей Михайлович.

— Да ты что?

— Да. — не поддался на провокацию Андрей. — Я не пытаюсь сформировать конных копейщиков вне системы поместной службы. Я пытаюсь возродить их внутри нее. Ведь формально, в самом начале, первые десять-двадцать лет своего существования поместная служба и опиралась на конный, копейный бой.

— И кто из аборигенов это знает?

— Главное — это подход. Они держатся за старину. За традицию. Пусть даже этой традиции едва два поколения. Вот я на это давить и стану. Дескать, отец мне о том сказывал, что на самом деле правильно вот так.

— А откуда он о том узнал?

— Так ему его отец, а тому его отец.

— Дед твой жив, и его могут спросить. Оба деда.

— Ну тогда моему отцу дед его сказывал. Сразу, минуя отца. Тот точно уже мертв. Вот. Что, дескать, были времена, когда...

— Ох и скользкая эта дорожка...

— Чем же?

— Твои слова — это просто слова.

— Учитывая кругозор и образование аборигенов, любой, кто держится уверенно и демонстрирует, будто бы точно ведаёт, что делает, выглядит в их глазах знающим человеком. Особенно если ссылается на слова стариков. И лучше почивших, но славных. Ведь не новинку предлагает, а по старине доброй жить зовет. А любое прошлое — оно здесь авторитетно. И прекрасный инструмент для спекуляций.

— Это ты так думаешь.

— Доверься мне.

— Милый, мне кажется или ты уже не раз и не два вляпывался? Хочешь снова? Я тебе говорю — постарайся быть как все. Постарайся не выделяться. Тебе же не войну нужно выиграть, а нашу жизнь сытой и спокойной сделать. Твою жизнь, мою и нашего малыша, — произнесла Марфа, погладив себя по животу. — А то неровен час навлечешь на себя гнев Государя. И все. И конец.

— Милая, я знаю, что я делаю.

— Что-то не верится...

— Из-за того, что я уже несколько раз напортачил, мне остается только одно — бежать вперед. И удивлять, удивлять, удивлять. Если этого не будет, то сожрут меня. С потрохами сожрут. И тебя не пожалеют. Если повезет — в монастырь отправят. А скорее всего, просто удавят.

— Раз решил удивлять, то чего с этой фигней возишься? Где ружья? Где пушки?

— А танки? А самолеты? А автомат Калашникова? Или ты, может, мне предложишь начать с промежуточного патрона и командирской башенки? Ну а что? Прямо на шлем ее и поставлю.

— Не делай из меня дурочку. Ты же понимаешь, о чем я говорю.

— Понимаю. А вот ты, видно, не очень. Чтобы использовать огнестрельное оружие, мне нужно добиться одного условия. Точнее, двух. Да. Двух. Первое, — произнес он, отогнув большой палец, — я должен добиться определенного уровня публичного богатства. Второе, — отогнул он указательный палец, — стать достаточно авторитетным как военный специалист. То есть повоевать, и успешно повоевать. Иначе эффект от новизны окажется слишком шокирующий.

— Шокирующий? Но чем?! Вон у царя уже есть стрельцы и наряды¹ артиллерии.

— Пехотой я заниматься не могу. Это урон чести. Только конницей. Это понятно?

— Разумеется, — кивнула Марфа, — хоть и звучит дико. Пехота — царица полей.

— Это там... в наше время... А тут все иначе.

— Дикари, — буркнула она. — Ты же сам мне говорил о том, что в Европе ураганят пехотные батальоны испанцев. Вот прямо сейчас.

— Говорил. Но разве кроме нас кто-то это знает в этих краях?

— Так расскажи.

— И кто мне поверит?

— Мда... Чертова старина...

— Какая есть, — развел он руками. — Так вот. Для вооружения конницы огнестрельным оружием оно должно быть надлежащего качества. Фитильные

¹ Наряд — это выделение какого-то количества артиллерийских орудий для тех или иных задач.

пищали тут не подойдут. Требуются колесцовые «стволы». Вроде бы есть уже кремниевые замки, но они крайне ненадежны сейчас и стоят не сильно меньше. Вот. А один рейтарский пистолет у нас тут, в Туле, обойдется мне как снаряжение десятка помещтных всадников. Карабин — еще больше. Их же на Западе делают. В Священной Римской империи, во Франции, в Италии.

— А ты их с помощью Ильи сделать не можешь? Вместе с ним. У тебя же подходящие навыки имеются. И знания. Вы разве не справитесь?

— Теоретически, конечно, могу. Но разве это изменит оценку их стоимости в глазах окружающих? Каждому всаднику нужна пара таких пистолей. Минимум. Плюс карабин. Ты представляешь, НАСКОЛЬКО это дорого?

— Но все в Туле и так знают, что у тебя много денег. А если и нет их прямо сейчас, то ты знаешь, как их быстро достать. Или ты в этом сомневаешься?

— Много денег и НАСТОЛЬКО много денег — это две очень большие разницы. И ладно бы пистолы с карабинами. Бес с ними. Представь себе, сколько стоят орудия! Ныне эти игрушки по карману только Государю. И он трясется над ними, как наседка над цыплятами. Бронза — исключительный импорт, и дорогой импорт. Так что заводить артиллерию имеет смысл желательно с одобрения царя. Чтобы не было эксцессов. Понимаешь? Во всяком случае, нормальную. Но даже если мне сделать несколько эрзац-пушечек вроде деревянных, то для них нужен порох. Много пороха. А это все не так-то и просто, да еще и вопросов массу вызывает...

— Допустим... — недовольно произнесла жена.

— Авторитет же... он как бы не важнее денег. Как ты мне постоянно говоришь — я живу тут не в вакууме, а в коллективе. И если я начну творить всякое непотребное, вроде вооружения огнестрельным оружием, полк может меня не понять. На низовом уровне. А именно за счет уважения простых помещиков я на плаву и держусь.

— Ладно... — тяжело вздохнув, махнула рукой Марфа. — Делай как знаешь.

— Ты со мной не согласна?

— Ты можешь попасть на прием к царю. И можешь ему лично предложить перспективные идеи. А он не дурак и...

— Он не дурак, — перебил ее Андрей. — Поэтому он не готов тратить на каждого всадника поместной конницы в сорок и более раз больше, чем обычно. У него на это нет ни денег, ни земли, ни желания...

Марфа нервно дернула подбородком, но более спорить не стала. Тем более что к ним подошел слишком близко Аким. И Андрей вернулся к делам тренировки...

Еще когда он возвращался из Москвы, то прекрасно заметил взгляды старшин. И понял — второй год отсидеться в крепости ему не дадут. Поэтому по приезде в Тулу он начал искать людей. Разных. Особенно после того, как заключил первый ряд с купцами и продал через них пять гривенок ляпис-лазури.

Именно тогда к нему решили присоединиться Кондрат, Федот и Аким, отправившись на зимовку к нему в вотчину. Им ведь, по сути, идти было некуда. Только опять в долги влезать. Поместье разорено. Денег нет. Ничего нет. А тут Андрей им сам предложил погостить у него да подсобить с обороной

крепостицы. То есть вроде бы и не бесплатно харчи будут вкушать.

И не только они поехали. Годом ранее, когда он искал себе людей, было все намного сложнее. В него не верили. Да и ехать фактически в чистое поле — одно дело, и совсем другое — в пусть маленькую, а крепость. Поэтому даже при довольно остром дефиците людей найти их удалось довольно легко. И теперь он и возился с ними. Тех, кого планировал забрать с собой в намечающийся поход, Андрей дрессировал конным делам. Остальных — обороне крепости. И всех, кто хоть как-то должен будет драться, нагружал общей физической подготовкой.

Но главное — учил действовать сообща.

А еще возился с материальным обеспечением. Для чего нанял к хромому плотнику Игнату трех подмастерьев и двух — к кузнецу. И еще с десятков разных людей. Ведь дел хватало.

Кроме того, он провел с помощью Агафона весьма непростую операцию по подбору, обмену и перекупке луков. Цель была проста. Ему требовалось, чтобы у людей под его рукой оказались пусть и не самые лучшие «агрегаты», но единообразные. Во всяком случае, по натяжению и вытягу. Чтобы не к каждому луку свои стрелы делать, а одни для всех.

Женщин еще завез в крепость, ибо женских рук и раньше не хватало. Теперь же — совсем беда. А ведь эту ораву людей требовалось обстирывать, готовить еду и с прочими делами помогать. В том числе и не совсем приличными. Без секса тяжело. А острый дефицит женского внимания мог породить серьезные внутренние проблемы. Понятное дело, о таких специфических задачах Андрей не говорил вдовушкам,

которых нанимал на службу. Но это и не требовалось. Все прекрасно всё понимали. Более того — даже какие-то надежды имелись в плане устройства своего семейного счастья.

Агафон, кстати, не подвел. И полностью погасил свой долг за светильное масло, поставив в крепость запасы продовольствия, соли и фуража. Особенно ценным оказалось последнее.

С конским составом требовалось очень плотно работать. Да. Все эти «копытные» уже не жеребята. Они уже в целом выросли. Однако Андрей не терял надежд хоть еще немного их укрепить. Хорошее питание и регулярные, серьезные нагрузки не могли пройти впустую. Ну... он так думал. Ведь если человек ходит в спортзал и там не ленится, нормально питается и хорошо отдыхает, то рано или поздно он становится намного лучше развит физически. Крепче, сильнее, выносливее. Иными словами, своих «воло-сатых друзей» Андрей гонял ничуть не меньше, чем людей. И так же хорошо кормил. В надежде на то, что эти несколько месяцев не пройдут даром...

Глава 2

1554 год, 13 января, вотчина Андрея на реке Шат

— Ты чего не спишь? — тихонько спросил Андрей у супруги.

— Думаю, — шепотом ответила жена.

— О чем?

— О том, что вышла замуж за безумца.

— Это понятно. А точнее?

— Ты ведь на самом деле не хочешь покоя. Ты, словно мальчишка, возжелал славы.

— А ты против?

— Против. Но поддержку тебя во всем.

— Неожиданно.

— А ты думал, я упру руки в боки и начну качать права?

— Да.

— Это глупо... — чуть помедлив, ответила она. — Женщина сильна мужем своим. Я с тобой не согласна, но что это меняет? Я пойду за тобой в любом случае.

— И что тебя мучает?

— Что ты будешь делать — я понимаю. Закусишь удила и как мальчишка станешь скакать по всей округе да махать сабелькой. Ну и лапшу на уши вешать аборигенам, чтобы денег срубить. А я? А что мне делать? Как Марфа я должна вести хозяйство, пока ты в походе. Но как Алиса я ума не приложу, с какой стороны к нему подойти.

— А чего там подходить-то?

— Тебе легко. Ты готовился. А я? Я ведь росла как цветок. Младшая дочь состоятельной семьи. Меня все любили и баловали. Да, учили готовить. Но ты бы видел кухню мамы. Она была оснащена по последнему слову техники. Папа не жалел денег на нее...

— А хозяйство? Ты совсем ничего не знаешь?

— У папы был большой бизнес, а хозяйство он воспринимал как приятное дополнение. Дань традиции, скорее. Я больше всего любила его прекрасный фруктовый сад. Большой-большой. Там несколько сотен деревьев росло. Ты даже не представляешь, как там становилось красиво, когда они цвели. Но я

никогда не видела даже как деревья сажают. Понимаешь? Просто приходила посмотреть на красоту. И все.

— Чему же ты училась все эти годы? Мне казалось, что на Кавказе много внимания уделяют домоводству и прочим подобным вещам.

— Уделяют. Но не в моем случае. Понимаешь, пока я жила с родителями, то в свободное время развивалась как будущая жена для состоятельного мужа. И ни папа, ни мама даже не предполагали, что мне придется разбираться в том, как сделать брынзу или постричь овец. Так что я училась танцевать, петь, играть на чунгуре¹, изучала поэзию. Научилась рисовать. Писать каллиграфическим почерком. Выучила недурно языки. Хорошо разбиралась в традициях и обычаях. А теперь вляпалась во все это...

— Жопа... — едва слышно констатировал Андрей.

— Жопа, — охотно согласилась с ним Марфа... точнее, Алиса. — Вот ты уедешь по весне. А я-то что делать буду?

— А какие языки ты знаешь?

— Какое это имеет значение?

— Это может оказаться полезным.

— Я знаю языки тех лет. Сейчас они другие.

— И все же. Ты ведь смогла наговорить гадостей тем татарам. И они тебя в целом поняли. Так что другие, но это ни о чем не говорит. Плюс-минус языки

¹ Чунгур — региональное название старинного персидского струнного музыкального инструмента, известного как саз. Для него характерны грушевидный корпус, гриф с навязными ладками, деревянный резонатор (без использования кожаной мембраны), сдвоенные или строенные струны и звукоизвлечение плектром.

наверняка похожи, и через пень-колоду ты их и сейчас поймешь.

— Ну... родной мой лезгинский. Русский и английский знаю свободно. Могу более-менее объясниться с азербайджанцами-турками, табасаранцами, кумыками, аварами, адыгами, а также нохчий-галгай. Чуть-чуть знаю немецкий и французский. Отец вел много с кем переговоры и считал полезным, чтобы его дети знали языки. И женщины тоже. Ведь услышать можно разное... и случайно оброненное слово, бывает, решает если не все, то многое.

— Хм... у тебя талант к языкам, я посмотрю.

— Да, они мне легко даются. Поэтому старославянский я и выучила быстро и легко. А потом и тут. Но... какая от всего этого польза? Я ведь понятия не имею, как вести хозяйство. И ладно крепости, так даже и обычного дома.

— Ничего страшного, милая. Ничего страшного. Давай так. Мы каждый день будем об этом беседовать. Сначала я расскажу все в общих чертах. А потом ты будешь спрашивать.

— Правда? Ты ведь вон сколько с сабелькой да копьем своим прыгаешь.

— Правда-правда, — произнес Андрей и нежно поцеловал жену в шею. — Я ведь когда готовился, не думал, что вот так все повернется. Поэтому больше налегал на сельское хозяйства и ремесла.

— Может быть, мне лучше записывать?

— Можешь и записывать. Только аккуратно. Не забывай о том, что эти записи могут попасть в чужие руки.

— Я не знаю никакой тайнописи. Или мне на своем родном вести записи?

— Не надо никакой тайнописи. Пиши на местном языке. Максимально просто. И без иноземных слов. Потому как если найдут записи на непонятном языке — проблем не оберешься. С греческим еще как-то удалось объясниться, а вот с лезгинским...

— Я поняла, — оживившись ответила Марфа и повернулась лицом к Андрею. Причем несколько увлеклась и чуть не легла на живот.

— Так, — придержал он ее. — Осторожнее. Не раздави нашего ребенка.

— Прости, — тихо шепнула она и потянулась целоваться...

Технически Андрей мог бы найти и управляющего. Приказчика, как в эти годы говорили. Но имелись нюансы. Точнее, два.

С одной стороны, он не доверял приказчикам, вполне законно считая, что им плевать на управляемое хозяйство. То есть срубили бабла — и ходу. А вотчина? Так хоть трава не расти. Понятно, что не все так плохо. И найти человека ответственного было можно. Как и найти для него способы мотивации. Но все равно — Андрей считал это крайностью.

С другой стороны, парень попросту не доверял местным методам ведения хозяйства. Слишком архаичным и неэффективным, на его взгляд. Понятно, что от подсечно-огневого земледелия уже, к счастью, отошли. Но ушли недалеко... Во всяком случае, если смотреть на них с высоты веков.

Применялось обычное, самое что ни на есть примитивное трехполье, известное еще во времена Римской республики. То есть ситуация, при которой одно поле засевали нормально, второе — озимыми, а третье держали под паром, давая ему от-

дохнуть и набраться силы. На следующий год все смещалось.

В принципе, рабочее решение, но имелись проблемы.

Прежде всего треть земель не использовалась вовсе, а еще треть задействовалась лишь частью. То есть в целом очень невысокая эффективность эксплуатации.

Ну и главное — при таком подходе земля не успевала отдохнуть и восстановить свое плодородие. Отчего пашни целинные, то есть только освоенные, давали урожай не в пример лучше.

Как это обойти?

Андрей знал несколько способов.

Заваливать поля удобрениями он не мог. Просто потому, что необходимого объема удобрений у него попросту не имелось. А пускать на эти цели солому и прочие полезные в хозяйстве вещи он не мог себе позволить.

Менять поля по мере их истощения, распахивая соседние земли, он тоже не мог. Ведь его вотчина строго очерчена.

Оставалось только одно — применять более прогрессивный метод севооборота, с одной стороны. И механизацию — с другой.

С севооборотом все было просто и легко. Ну на первый взгляд. Андрей планировал применить Норфолкский цикл в его архаичном виде. Известный также как четырехполье.

Его вотчина писалась в сто четвертей. Но в те годы это означало триста, ибо оценивалась лишь треть. Из-за практики трехполья. Вот эти триста четвертей Андрей и планировал разделить на четыре

равные части. В первую он планировал высаживать горох, во вторую — озимую пшеницу, на третью — репу и свеклу, а на четвертую — овес. На следующий год все смещать по кругу.

Просто и совершенно бесхитростно. А истощения почвы и ее деградации из-за такой смены культур не происходило.

Кроме всего прочего, это позволяло отойти от специализации на монокультуре, что запредельно снижало угрозу голода из-за климатических проблем.

Механизация же заключалась в использовании плуга и сеялки. Самой что ни на есть примитивной и простой.

С плугом все понятно. Качественное улучшение и ускорение механической обработки почвы — это большой плюс. Хотя и не такой очевидный на первый взгляд. А вот сеялка выступала настоящей сельскохозяйственной «вундервафлей»¹ в этих условиях. Почему? Так сеяли зерновые в те годы как? Просто рассыпали их по пашне, а иной раз и просто по разрыхленной мотыгой земле. И птицы склевывали в среднем от трети до половины, а иной раз и больше.

К чему это вело?

К низкой урожайности. Ведь архаичные сорта зерновых не отличались ни большим количеством зерен в колосе, ни множеством стеблей в кусте. А значит, выжившие всходы не могли компенсировать погибшие семена, с одной стороны, а с другой — сыпать приходилось обильно. Птицы же

¹ В данном случае имеется в виду смешливый пересказ немецкого слова *wunderwaffe* — чудо-оружие.

склеивали зерна неравномерно, из-за чего получались островки слишком густого посева, где растения мешали друг другу. И выходило, что местами шли проплешины с бурьяном, а местами чахлые, но густо растущие злаки.

Так или иначе, но ручной посев банальным разбросом уменьшал урожайность зерновых в те годы минимум вдвое. И Андрей планировал этот вопрос разрешить, изготовив примитивную сеялку. Два колеса. Бункер с зерном. Нож, разрезающий грунт. Трубка, по которой зерна подавались. Отвал, засыпающий разрез грунта. И мерный счетчик-отсекатель для зерен, работающий от оборота колеса.

Он с этой сеялкой сам возился.

Кузнец и его подмастерья, конечно, помогали. Но основной объем работы приходилось делать самому. Так было проще и быстрее.

Пока он ограничился сеялкой на ручной тяге. Просто проверить. Да и засеять по весне сорок гектаров¹ овсом и столько же по осени пшеницей можно было и без лошади. Во всяком случае, это было проще, легче и быстрее, чем рассеивать зерно вручную на таких площадях.

Конечно, оставался еще открытым вопрос с сеном. Но Андрей не обольщался. На своих «33 квадратных метрах» он в принципе не в состоянии прокормиться. Даже просто обычным продовольствием. Поэтому без закупок не обойтись. Вот и думал больше не столько об автономности, сколько об эффективности использования собственной земли.

¹ 300 четвертей — это 163,881 га. Четверть от них — 40,97025 га.

И так во все это погрузился, что даже не заметил, как в очередной раз подставился. Во всяком случае, неделю спустя к нему подошел Кондрат и присел на лавочку со словами:

— Да, не думал я, что у Петра дочь такая дура.

— Чего это? — напрягся парень.

— А чего ты с ней как с ребенком возишься?

— Так забыл, что ли? Про колдуна.

— А, ну да, колдун.

— Вот и учу ее. Мне ведь супруга толковая нужна.

Чтобы я мог на нее положиться.

— А ты сам-то отколь сие ведаешь?

— Как откуда?

— Я послушал твои поучения. Мудрено очень. Да и отец твой иначе дела вел. И я. И все мы. Откуда твои знания?

Андрей замолчал. Он как-то растерялся от такого вопроса.

— Можешь не отвечать, — улыбнулся Кондрат. — Мне. Но я уверен, рано или поздно этот вопрос тебе зададут.

Снова тишина.

— Ты не слушай ее. Я ведь не раз замечал, что она тебя поучает — быть как все. Не выделяться. Ну когда думает, что никто ее не слышит. Многие это замечали. Но то не страшно. Чай, не в глухой чаще живете, а среди людей.

— А чего не слушать?

— Так вы чем больше стараетесь быть как все, тем смешнее выходит. Другие вы с ней. Оба другие. Ученость твоя явно книжная и весьма великая. Откуда она? Я не ведаю. Отец Афанасий тоже лишь руками разводит. Сабелькой вон лихо владеешь. Много луч-

ше любого из нас. Значит, учитель у тебя был добрый. А это себе не каждый боярин может позволить. Да и она — кралья. Дочь простого десятника тульского. Как же! Читать-писать может, причем бегло. Много всего знает, что знать не должна. Обыденные же вещи не ведает. А как гневаться изволит, так глаза молнии мечут. Словно княжна какая. Лишь силой духа своего смиряется. Вы оба белые вороны.

— Федот и Аким так же думают?

— А как же? Или ты думаешь, что мы пошли бы под руку простого помещика? Считаю, новика?

Андрей скрипнул зубами.

— Вот я и думаю, что, может, колдовство то и заключалось не в вашем повреждении, а в том, чтобы мы все подумали, что ты — это Андрейка, сын покойного Прохора, а она — Марфа, Петрова дочь. Тогда ведь и безумие Петра становится понятно. Не выдержала душа обмана. Болеть стала. Оттого и окрысился на тебя.

— Его ведь натравили.

— А его и раньше натравливали. И что? Ума хватало глупости не делать.

— Отец Афанасий тоже так думает?

— Многие в Туле ныне задают вопросы... — уклончиво ответил Кондрат.

— Спасибо, — тихо ответил Андрей.

— За что?

— За то, что сказал. Я ведь... я ведь и не замечал даже...

— А как тебе заметить? — усмехнулся дядька Кондрат. — Ты совсем иначе живешь. Иначе мыслишь. Я когда увидел, что ты стал носиться с чистотой как одержимый, то сразу заподозрил неладное.

От этих слов Андрей чуть дернул подбородком, выдавая свое крайнее раздражение. Он как-то забыл, что в эти времена о гигиене еще ничего не знали и не связывали чистоту со здоровьем. Мытье же, особенно частое, связывали совсем с другими вещами. Особенно мытье одежды и общую борьбу за внешний чистый и приятно пахнущий облик.

Быть чистым в те времена считалось признаком статуса. И князь, как в приснопамятном фильме «Викинг», бегать грязным прилюдно просто не мог бы себе позволить. Ведь среди незнакомцев считался главным тот, кто выглядел чище и был богаче одет. По умолчанию. Ибо встречали по одежке. Одежда и чистота выступали в роли своего рода погон, позволяя маркировать людей по их социальному статусу через внешний вид. Даже если обстоятельства сложились так, что тот же князь испачкался, то он при первой же возможности навел бы маршфет. Даже какая-нибудь власяница для смирения — и та у таких людей должна быть чистой и не рваной.

Андрей же заморачивался с чистотой просто чрезмерно. Просто боялся заболеть. Да и вообще — не привык он к тому, чтобы возиться в грязи. И это просто резало взгляд окружающим.

Показателен был и его поступок, совершенный при посещении царя. Его одежда обычна для простого поместного дворянина. Но он ее устыдился и решил прийти в доспехах. Достаточно дорогих доспехах по меркам Руси. Об этом он имел дурость всем растрепать. Дескать, беден. Пришлось в доспехах идти, ибо в них сраму нет...

— Дурак... ой, дурак... — тихо простонал Андрей, когда дядька Кондрат ушел и парень остался наедине. — Кем же они меня вообразили?

Глава 3

1554 год, 13 февраля, вотчина Андрея на реке Шат

Андрей стоял в одном из «скворечников» крепости, наблюдая за тем, как бушует метель. Она началась внезапно. Еще утром небо было чистое и прозрачное. Ни облачка. После обеда же подул ветер и набежали тяжелые, низкие тучи. А потом и снег зарядил. Сильный. Настолько сильный, что шагов на сто уже ничего и не видно. Ну хорошо, на двести. Хотя назвать те силуэты нормальной видимостью — явный перебор.

Жизнь в крепости шла размеренно. Размеренно, но очень интенсивно. Ранний подъем и много недурно организованного коллективного труда. Хорошее питание. Теплая одежда. Добротное жилье. Укрытие от ветра за стенами и общая безопасность.

Андрей для своих людей обеспечил если не рай, то что-то очень близкое в этом. Во всяком случае, в их представлении. Шутка ли? Трехразовое питание по расписанию. Да сытное. И с мясом, да на масле или сале. А в постные дни — рыба. И не по чуть-чуть, а нормально.

Люди были сыты, здоровы, чисты и полны энтузиазма.

За чистотой, несмотря на замечания дядьки Кондрата, Андрей продолжал следить. И даже усилил

рвение. Ведь если все и так себе чего-то там придумали, то зачем обманывать их ожидания?

Более того, у того, кто высок статусом, и люди его должны быть одеты богато и выглядеть чисто. Ибо слуга царя отличается чистотой облика от слуги мелкопоместного дворянина как небо и земля. Поэтому парень даже усилил свое внимание к этому вопросу. А люди его безропотно поддержали...

В дни, когда позволяла погода, проходили тренировки и вылазки за пределы крепости. За дровами. К реке. И так далее. В остальные дни — напряженно трудились внутри. Благо работы хватало. Ведь Андрей планировал заготовить достаточное количество стрел, а также доброго снаряжения для всех своих людей.

Все было так хорошо последние пару недель, что парню хотелось, чтобы зима не заканчивалась. Тихо. Спокойно на душе. Понятно все. Размеренно...

И тут сквозь пургу замерещились какие-то силуэты на льду реки. Вроде как сани и всадники.

— Эй! Факел сюда! — крикнул парень.

Татар здесь быть не могло. Разбойники тоже так не ходят обычно. А вот остальные гости вряд ли представляли опасность такую уж явную.

Огонь от замерзшей реки заметили и повернули на него.

— Ну вы даете! — удивленно воскликнул Андрей, увидев отца Афанасия у подъемного моста. Да и оба дяди Марфы тут тоже наблюдались — Данила и Спиридон. Братья покойных папы и мамы. — Вы чего в такую погоду блуждаете?

— Так кто же знал? — извиняющимся тоном промямлил дядя, явно промерзший уже в седле.

— Опустить мост!

И гости стали тихонько втягиваться.

Сани, правда, в узкие ворота не влезли. Поэтому лошадь распрягли и провели внутрь, а их оставили за воротами. В конце концов, кому они там нужны?

— Добре, добре, — поглазев по сторонам, закивали и Данила, и Спиридон.

— Благодарствую на добром слове. Но что вас привело ко мне? Ваши же поместья вниз по Упе, севернее Тулы.

— Так мы не в них шли, а к тебе.

— Мы можем переговорить с глазу на глаз?

— Ну... — Андрей скосился на священника, и тот степенно кивнул, дескать, все нормально. — Пойдемте.

Вот все четверо и прошли в старую землянку.

— Что-то случилось?

— Мы узнали о том, что ты решил создать общество благоденствия воинства тульского, — начал Данила.

— И решили, раз уж мы твои родственники, то было бы недурно с нас начать.

— Вы разве представители беднейших помещиков? — удивился Андрей.

— Но мы твои родственники! Это намного важнее!

— Общество то создано для того, чтобы полк мог выехать на службу как можно полнее. Чтобы ежели татары нападут, мог их прогнать. А не чтобы бедные беднели, а богатые богатели.

— То есть ты не хочешь нам помогать?

— По совести-то вас нужно лесом послать, — спокойно заметил Андрей. — Вы ведь мне не помогли, когда я нуждался. Так ведь?

— Почему не помогали? Племянницу мою мы же за тебя отдали? Отдали! — заметил Данила.

— Если бы не это, — дополнил его Спиридон, — то твое положение в полку стало очень шатким. Теперь-то ты наш родственник. И если кто тебя убьет, за тебя будет кому мстить.

— Это мне жить помогало?

— А то! Тебя ведь пытались ограбить. Но помнишь, как сие происходило? Считаю, выкрутасы всякие делали. А если бы нас не было, то действовали смело и открыто. Отцовы-то родичи твои далеко.

— И негоже от родни отворачиваться!

— Твою мать... — емко резюмировал ситуацию Андрей.

Ну а что он хотел?

Огонь, вода и медные трубы в чистом виде.

В чем смысл этого высказывания?

Трактовок много. Андрей же держался той, при которой говорится об испытании бедой, благополучием и славой. В каждом из случаев проверка сводилась к одному и тому же: останешься ли ты человеком? Ведь всегда можно скатиться к какой-либо форме мерзости. Зазвездиться. Скурвиться. И так далее. И неизвестно, что страшнее из этих испытаний. Он слышал от отца много таких историй в прошлой жизни. О том, например, как в «святые» 90-е кто-то жил бедно, но не терял человеческого лица. А поднявшись и получив более-менее приличные ресурсы, тут же превращался в злобное и скрытное дерьмо. Впрочем, имелись и обратные примеры. У всех свои слабости. Человеком же всегда и везде может оставаться далеко не каждый.

Проверку бедой он уже прошел. Вроде бы. Отбил-ся. И теперь все стало благополучно, во всяком случае, на первый взгляд. Хотя он мог много кого под нож пустить во время тех событий. Там ведь многие засветились в желании помочь утопающему утонуть.

Что теперь?

Да, у него остались проблемы. И придется еще побегать. Но теперь это не выглядело чем-то непреодолимо опасным. Ведь у него и доспехи имелись, и кони, и люди. Что ставило его в несравненно более благополучное положение, чем пару лет назад. И даже происки старшин, которые вряд ли просто так отстанут, не выглядели такими уже опасными и критичными...

И вот к нему пришли эти люди.

Формально — родственники.

Фактически — пустое место. Потому что, когда ему было плохо, реально они никак не помогали. Чужие люди, вроде боевых товарищей отца, и то больше сделали. А эти стояли в стороне.

Но нужно ли ему было от них сейчас отворачиваться?

Во все времена и среди всех народов люди ценили в других безусловно только одно качество — умение решать их проблемы. Все остальное — приходящее и ситуативное.

Ты мог сделать карьеру, болтаясь хвостиком в чьей-то свите. Но даже если ты таким образом смог бы пробраться куда-то наверх, то так и оставался мальчиком на побегушках. Просто высокопоставленным. Для того же, чтобы стать тем человеком, вокруг которого и собирается свита, тебе нужно было научиться решать проблемы этих людей. Голодных кормить,

холодных обогревать и так далее. В этом и крылась природа власти. Настоящей власти. При которой твое благополучие, твой успех вызывал одобрение окружающих, а не их осуждение. Ведь каждый видел в твоих победах и чуточку своих, рассчитывая, что и ему что-то перепадет от твоих успехов...

Так что Андрей хоть и выругался, разозлился и даже как-то в лице поменялся от слов Данилы и Спиридона, но очень быстро взял себя в руки. Секунд пять прошло. Не больше. Хотя, конечно, эта перемена выражений лица не прошла для них незамеченной.

— Общество соблагоденствия воинству тульскому создано для помощи беднейшей части помещенных дворян. Тем, кто не имеет коня, чтобы выехать на службу. Или брони. Или еще чего из жизненно важного. Вы разве такие?

— Нет, но...

— Погодите, — перебил их Андрей, подняв руку. — Я не могу вам помочь из казны этого общества. Ибо цель его — укрепить полк. Поднять его силу. Поднять число воинов, что могут выехать на службу, а лучше — на дальнюю службу.

— Так ты отказываешь нам? — нахмурился и помрачнел Данила.

— Нет. Я говорю, что казна казной, но вы — мои родичи. И если вам нужна помощь, то вам могу помочь я. Не залезая в казну, которую утвердили совсем для других дел.

Помолчали.

С минуту.

Все о чем-то думали. И отец Афанасий, и Данила, и Спиридон. Андрей же отслеживал внимательно их

мимику, ибо на лицах их читались мысли довольно отчетливо.

— В чем у вас нужда? Сказывайте смело, — наконец нарушая тишину, произнес Андрей. И разговор возобновился. Но уже в другом ключе.

Минут десять они обсуждали общие вопросы, а потом перешли к главному — к доспеху. Оказывается, ламеллярный панцирь Андрея заметили все в Туле. И очень им заинтересовались. Особенно после того, как узнали о простоте его ремонта своими силами в полевых условиях. Перешнуровать на привале действительно не великая по сложности задача.

Поэтому Андрей, чуть помедлив, повел их в кузницу.

— Смотрите, — указал он на одно приспособление. — Эта штука нужна для того, чтобы расковывать прутки в полосы нужной ширины и толщины. Вот сюда их кладешь. Сверху закрываешь. И бьешь. Потом сдвигаешь, и снова. На выходе получаются вот такие полосы, — произнес он, доставая из короба готовые полуфабрикаты. — Их потом кладут вот сюда, — продемонстрировал Андрей еще одну приспособу, что они изготовили вместе с Ильей. — Зажимают крепко. Ставят сверху вот этот боек. И бьют по нему со всей дури кувалдой на длинной ручке. С помощью чего высекают сразу пластину нужной формы. Ей только края нужно после этого на камне подравнять, убирая заусенцы.

— Для чего ты нам это рассказываешь? — спросил Данила.

— Для того, чтобы вы поняли — я готовлюсь делать таких пластин много. А потому сначала своих

людей добрым доспехом снаряжу. А далее думал торговать ими. Но раз вам они тоже нужны, то я готов вам помочь.

Данила и Спиридон переглянулись. Чуть помедлили. И спросили:

— А дальше что?

— В смысле?

— Ну выбивает твой кузнец пластину, и все?

— Дальше в ней нужно выбить ребро. Пробить отверстия, обточить края, чтобы шнурки не резали. И укрепить ее по-особому, дабы не гнулась так легко, как обычно, — не стал сильно развивать тему Андрей. — До весны я смогу одеть в такие брони и Кондрата, и Федота, и Акима, и иных своих людей. По осени, как вернусь с похода, жду вас в гости — будем вам вязать брони. Сами-то вы этого не умеете. Вот заодно и покажу.

— Добре, — просветлев лицами, ответили они.

— А что с нас за них причитается? — поинтересовался Спиридон.

— Ничего. Это подарок.

— Но... — хотел было возразить Спиридон, но Данила его остановил. Подарок и подарок. Если бы Андрей с них взял как следует, могли без порток остаться. Эта бронь ведь шла даже дороже, чем цена мерина. Во всяком случае, бахтерец стоил ощутимо дороже пятнадцати рублей. А эта — явный аналог.

Больше задерживаться в кузнице они не стали. Так как по какой-то причине вялый взгляд дядьев чрезвычайно оживился после слов о торговле доспехами. Почему? Бог весть. Но Андрею это не понравилось.

— Вы только из-за этого приехали? — наконец спросил он их, отведя в сторону. — Могли бы и до смотря подождать. Разве бы я вам отказал?

— Мы хотели поговорить еще про твоего коня.

— А чего там обсуждать?

— Это же аргамак! У нас есть несколько кобыл и...

— Понимаю. Пригоняйте.

— А...

Так и общались.

Выглядело довольно странно. Вроде бы дядья. Вроде бы выше по статусу. А очень скоро разговор перешел в русло робко просящих и щедрого барина, который под настроение жаловал им то да се. И чем дальше общались, тем сильнее это проявлялось. Из-за чего Андрей невольно вспомнил слова Воланда, сказанные Маргарите:

«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!»

И только теперь он понял их смысл.

Раньше-то он держался более привычной для христианства позиции: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят...» Оказалось, что все не так-то и просто с этим тезисом... Будет дано. Конечно, будет, может быть. Но с нюансами...

А чуть в стороне ходил отец Афанасий, который притащил этих людей сюда. Но что он хотел? Какую цель преследовал? Или, судя по его чуть лукавому, но понимающему взгляду, с которым он наблюдал за беседой, этот привод тоже был очередной проверкой? Только проверкой чего?..

Глава 4

1554 год, 20 февраля, Тула

— Ничего не понимаю! — с интонацией Шефа из мультика «Следствие ведут Колобки» произнес один из старшин, вышагивая по палате.

Воевода промолчал. Он чуть прищуренным взглядом смотрел на это собрание, не стремясь в нем активно участвовать. Пропускать такие мероприятия он, конечно, не мог. Но и бежать впереди паровоза в этой насквозь мутной истории он не стремился.

А ситуация с Андреем чрезвычайно странная...

Кем формально был этот парень?

Сыном бедного, погрязшего в долгах мелкопоместного дворянина. Причем сыном ничем не примечательным. Он до четырнадцати лет совершенно никак, нигде и ни в чем не отличился. Скорее даже прославился как не шибко умный парень, вполне соответствующий своему возрасту и положению. Да еще и робеющий перед теми, кто старше, а потому слушающий их со всем вниманием и уважением.

И вот произошло что-то.

Что? Никто не знал и не понимал. И парня как подменили.

Если бы это не приключилось на глазах окружающих, то так бы и подумали. Ведь он стал другим. Совсем другим. Правда, сам воевода того старого парня не знал. Но ему так говорили. Все. Без исключений. Даже те, кто благоговел перед этими изменениями и всецело их поддерживал.

Официальная позиция церкви — происки какого-то колдуна, которого до сих пор искали в городе и около него. Но воевода не сильно во все это верил.

Он уже сталкивался с теми, кого считали пораженными колдовством. И никогда там не было ничего хорошего.

А что Андрей?

А вот все не так с ним было.

Прежде всего здоровье.

Воевода видел парня своими глазами и не назвал бы его доходягой. О том, какие чудеса творят хорошее питание и регулярные тренировки, он не знал. Поэтому думал всякое. Те же, кто знал Андрея раньше, в один голос утверждали, что он расцвел и натурально окабанел. За одну зиму, проведенную в лесу, вдали от людей, всего с двумя холопами, он вытянулся по росту, расширился в плечах и так далее. Понятное дело — в этом возрасте такое бывает. Но не так же! Знающие люди просто голову ломали над тем, что произошло. Ведь никто из сыновей бедных мелкопоместных дворян — одногодок Андрея, так не вытягивался за зиму. Да и в кого ему? Что отец, что оба деда не сильно велики габаритами.

Андрей же на хорошем питании да с нормальными тренировками скакнул очень недурно за эти пару лет. И выглядел довольно представительно на фоне остальных поместных дворян, которые всю свою жизнь, от рождения до смерти, испытывали определенный дефицит хорошего питания. Да и с тренировками у них было туго. Конечно, в их рационе все было не так плохо, как у тех же крестьян или многих ремесленников, и они в целом выглядели крупнее. Но не так чтобы сильно. Во всяком случае, поместного дворянина, как правило, можно было отличить от боярина или родовитого аристократа даже на глаз.

Другим важным фактором стал характер.

Если со здоровьем еще как-то можно было понять и принять, всякое бывает, то вот изменения характера оказались за пределами понимания окружающих. Никто не находил подходящих примеров из своей жизни, чтобы что-то подобное там встретить и сравнить с натуральным чудом, произошедшим с Андреем. Он стал другим. Даже не другим, а иным. Совсем иным.

И тут сам воевода успел многое отметить. Успел пообщаться. Он понятия не имел о том, каким парень был раньше. Однако отмечал в нем чрезвычайную внутреннюю уверенность. Вот вроде и демонстрирует смирение. Вроде бы и показывает свое более низкое положение. Но наигранно. Настолько наигранно, что даже воевода едва не кривился от такой топорной игры. Словно какой-то боярин родовитый дурью мается и прикидывается мелким помещиком.

Но главное — это образование и воспитание.

Андрей умудрился продемонстрировать мастерство в сабельной рубке на очень приличном уровне. Словно ему руку ставил добрый учитель и не один год. По общему заявлению всех старшин сходиться с парнем раз на раз на саблях они бы не хотели. А это немало. Серьезная оценка.

А речь его какая? Грамотная, чистая, стройная. Конечно, он не шибко цитирует псалтырь да часослов, но оно ему и не требовалось. На его фоне остальные поместные дворяне выглядели косноязычными деревенщинами. Да, парень это пытается скрывать, но воевода заприметил сразу. Слишком уж бросалось в глаза.

Да и иных нюансов хватало, чтобы распознать в парне очень крепкую книжную науку. Добрую подготовку. И славное воспитание. Которые в принципе были невозможны для поместного дворянина. Не по Сеньке шапка. Ни книг, ни учителей, ни времени на это у него не имелось и появиться не могло.

Увлечение чистотой это только подчеркивало. Даже он, воевода, и то так не пекся о том, как он выглядит, нежели этот паренек. Опрятен, чист, приятно пахнет. Говорят, что его ради любопытства пытались даже как-то пару раз «случайно» испачкать. Чем вызвали у Андрея приступ ярости. И попадись проказники ему под руку, могли бы пострадать. Незвизирая на положение. Сам же он, помимо «метания молний из глаз», очень быстро приводил себя в порядок и вновь выглядел подобающим образом. На его взгляд, подобающим.

Не меньшим «нюансом» выступали и его знания иных языков. Каких, толком не ясно, но когда Андрей напился, он пел какие-то песни на них.

Все эти и другие особенности выдавали в парне человека не только высокого происхождения, но и соответствующего воспитания. И для воеводы было совершенно не ясно, каким образом колдун сумел так повредить «обычного сельского дурачка», чтобы он стал таким. И не он один задавал себе эти вопросы.

— Если бы колдуны всех людей могли так портить, то к ним очереди стояли! — как-то заметил один из старшин.

И воевода с ним был полностью согласен. Сам бы много отдал за такую «порчу».

Андрей был вопиюще белой вороной на фоне остального полка. И особой остроты минувшей

осенью добавил Государь, взяв и даровав этому насквозь мутному пареньку выданное ранее поместье в вотчину. Да, за дело. Но мутности этот поступок только добавлял.

— Колдуна-то нашли? — спохватившись, спросил воевода, нарушая тишину.

— Да куда там! — воскликнул один из старшин. — Как в воду канул.

— Что, совсем никаких концов?

— Мы бы и сами с ним очень хотели поговорить, — криво усмехнулся один из сотников. — По душам.

— С ним много кто жаждет общения, — так же криво заметил другой сотник. — Мы сами вперед попов по травницам да знахарям прошлись. И все без толку. Все молчали да разбегались.

— Не все молчали, — произнес Демьян, старый опытный десятник, повидавший и жизнь, и проблемы.

— Да?

— Радим из Белой рощи. Вы его все хорошо знаете.

— Не все, — возразил воевода.

— То знахарь знатный, — заметил один сотник. — Очень хорошо зубы заговаривал. К нему, почитай, многие ходили. Сказывают, что когда прижало, и поп наш тайком бегал.

— Поп? — удивился воевода.

— Люди так болтают. Хотя кто его знает? Зубы — такая зараза. Заболят — и дерьмо жрать начнешь.

— Это да, — степенно согласился воевода. — И что он сказал?

— Что рядом с Тулой сильных колдунов не было. Он бы о них знал.

— А ты его про Андрея спросил?

— Ну а как же? Спросил, конечно.

— И что он?

— Подумал. Крепко подумал. А потом и сказал, что если тут и замешан кто, то не колдун. Здесь, он молвил, колдуна мало. Так людей изменить только старые Боги в былые годы могли. Так что не колдуна надобно искать, а ведуна. Но его так просто не сыскать.

— Это почему? — удивился один из сотников. — Мы же всю эту нечисть знаем, что вокруг города жила.

— Знали, — заметил второй сотник. — Ныне-то она поразбежалась.

— Радим сказал, — вновь взял слово Демьян, — что ведун тот в городе был. И, верно, сильно испугался татар. Помыслив, будто бы они со дня на день город возьмут. Вот и...

— Что и?

— Радим думает, что ведун призвал на помощь кого-то из павших. Тех, кто в стародавние времена тут где-то погребен. От многих старых курганов ныне не осталось никаких следов. Холм и холм. Под Смоленском, он сказывал, будто много древних могил великих воинов. Но они не только там покоятся.

— А при чем тут Андрей? — повел бровью воевода.

— С его слов, призванный ведуном дух не мог находиться без вместилища. Вот и вышвырнул из тела паренька его тщедушную душонку. И теперь обживается в нем. Оттого и силу тело набирает.

— А.. — хотел было что-то спросить воевода, но один из старшин его опередил:

— Ты с отцом Афанасием о том разговаривал?

— Я спросил у него, может ли душа давно павшего человека вселиться в тело живого. Он ответил, что сие ересь. Ибо все души после смерти отправляются либо в рай, либо в ад, где ожидают Страшного суда. Так что...

— А ведь Марфа, дочь Петра Глаза, тоже, как и Андрей, рухнула в беспамятство. В тот же самый момент, что и парень. Когда же очнулась — никого не узнавала и говорила дивно. Чуть оклемавшись, перешла на язык странный, будто изречениями из Святого Писания сказывала. Андрей тоже никого не узнавал и говорил странно.

— А бабу зачем призывать?

— Да кто ж знает? — пожал плечами Демьян.

— Слушайте... — заметил один из сотников. — А ведь Марфа с Андреем до свадьбы друг друга на дух не переносили.словно кошка с собакой. А после первой брачной ночи изменились. Стали прямо не разлей вода. Да и замечали за ними, что болтают на непонятном языке.

— Но она же не воин! На кой бес ее-то звать на помощь?

— Так ты пойди и спроси у того ведуна. Если найдешь.

— Девка, к слову, лихая вышла. Побои, говорят, стойко терпела. Да и двух татей, что на нее напали и попытались похитить, сказывают, прибила сама. Их же оружием. Горда. Своевольна. Уж не зазноба ли она того воина, которого позвал ведун?

— Ох и бесовщина!.. Ох и мракобесие!.. — покачал головой один из сотников. — Может, вязать их, и под лед? А? Чего мы с нечестью-то возимся?

— Ты говори, да не заговаривайся! — рявкнул воевода. — Царь, по-твоему, нечисти вотчину выдал?

— Прости, оговорился.

— За такие оговоры можно и головы лишиться!

— Каюсь... бес попутал! — побледнев, воскликнул сотник.

— Бес тебя попутал, а ответ мне держать, ежели в городе о том станут болтать! Услышу хотя бы от собаки дворовой такие слова — сам тебе голову сниму! Понял?

— Понял. Все понял.

— Да и видел я своими глазами, как Андрей причастие принимал. Как нечисти в храм войти? Никак. Про таинства святые даже и не говорю. Или ты и нашу святую церковь в заговоре с ведунами да нечистыми силами обвиняешь?

— Ох... — только и выдал из себя сотник.

— В том-то и дело, что «ох...».

Дальше разговор пошел куда как интереснее.

Найдя подходящее для себя объяснение тому, кто, или, точнее, что такое Андрей, старшины начали думать да гадать над вопросом, как им жить дальше. Воевода старался не встревать, открывая рот только тогда, когда они увлекались.

Основная их цель заключалась в том, чтобы сохранить свое положение и свое влияние на городской полк поместный. А власть, по их мнению, утекала у них из рук. Отношение же к Андрею было весьма неоднозначным. Кто-то заинтересовался им. Кто-то откровенно опасался, если не сказать — боялся. Но в целом они сошлись в том, что слова Ради-ма нужно проверить. И по весне отправить парня на

юг — караулить татар в передовых дозорах. Опасное дело. Очень опасное.

Кто-то из них мыслил, что он там голову сложит.

Кто-то, что наоборот — раскроет себя.

Спиридон же и Данила молчали и с едва заметной ухмылкой за всем этим наблюдали. Младшие старшины. Десятники. И эти выражения лиц не укрылись от внимательного взгляда воеводы. Он ведал о том, что эти двое недавно сопровождали отца Афанасия в его очередной вылазке по удаленным поместьям. Каким именно — не ясно. Но уж то, что они заглянули к Андрею, воевода не сомневался. Поэтому, когда собрание завершилось, воевода произнес:

— Данила, Спиридон, а вас и попрошу остаться.

— Нас?

— Да, — кивнул воевода и выразительно посмотрел на остальных, дескать, всем спасибо, все свободны.

Старшины переглянулись, но перечить не стали. И быстро очистили помещение.

— Подойдите ближе. Ближе. Вот. Вы ведь у Андрея гостили?

— Заезжали к нему. Чай, не чужой человек.

— Это я ведаю. Оттого и ухмылялись? Говорите. Я ведь все равно узнаю.

— А что тут говорить? Он этих обалдуев насквозь видит. Ибо к походу, в который они его решили отправить только сейчас, он готовится с осени. Как от Государя вернулся.

— Даже так? — удивленно выгнул брови воевода.

— Он сказал, что помыслы их были у них на лице...

Глава 5

1554 год, 2 марта, Москва

Иоанн свет Васильевич Государь Московский и всея Руси вышел из Успенского собора и вдохнул свежего морозного воздуха. Несмотря на то что формально на дворе уже стояла весна, природа о том не ведала и радовала морозом, скрипучим снегом и сухим, чуть обжигающим ветерком.

Минутное ожидание.

И из главных ворот храма вслед за ним вышел митрополит. Он вел сегодня службу, и ему перед этим сообщили о желании царя с ним пообщаться после нее. Вот и поспешил после ее окончания вслед за своим монархом.

— Государь, — тихо произнес Макарий, поравнявшись с Иоанном и чуть кивнув ему.

— Пойдем, — так же тихо ответил царь и жестом дал понять свите держаться поодаль.

Все всё прекрасно поняли и дали возможность им поговорить.

— Помнишь того татя, что мои люди взяли под Тулой по осени?

— Да, Государь. Конечно. Это было славное дело. Я рад, что удалось выявить вшивого пса в моем окружении.

— Он много интересного рассказал.

— Надеюсь, ты не поверил его лжи?

— Почему же сразу лжи? — очень неприятно улыбнулся царь. — Мои люди проверили его слова. И поручения, которые он выполнял по твоему приказу.

— По моему приказу?! — удивился митрополит.

— Не требуется большого ума, чтобы понять — все люди, которых он наказывал, находились с тобой не в ладах.

— Но...

— Я поговорил кое с кем из твоих подчиненных, и они все подтвердили.

— Государь...

— погоди, — поднял руку Иоанн. — Скажи, зачем тебе нужен Андрей?

— Государь, я...

— Зачем? — куда более жестко повторил вопрос царь.

— Мои люди убеждали меня, будто бы голова у него светлая.

— Поэтому ты хотел поймать моего слугу и посадить до скончания его дней в холодную?

— Я...

— Не отрицай. Я о том уже ведаю. Поначалу не поверил, но...

— Бес попутал.

— Почему у меня не попросил его отдать? Чин по чину.

— А ты уступишь?

— Уже нет.

— Вот мне о том люди мои и говорили. И предлагали взять Андрея в плен. Да и убедить принять постриг. А потом службу служить во благо Матери Церкви.

— И кто же такой умный у тебя завелся? — очень холодно поинтересовался Иоанн. — Пришли мне его. Будь добр. Очень я хочу поближе познакомиться-

ся с советчиками, что нашептывают тебе воровство чинить и супротив своего Государя злодейства всякие творить.

— Пришло, — поникшим голосом ответил митрополит.

— А что ты такой скисший? Ты разве не рад услужить своему Государю?

— Рад, — подавленно ответил митрополит.

— Не слышу?

— Рад, Государь, — несколько бодрее произнес митрополит и вымученно улыбнулся.

— Радуйся. Радуйся, друг мой. Ибо я не поддался на увещевание злых языков. И остался верен дружбе с тобой. А поверь, врагов у тебя хватает...

— Я... я даже не знаю, что сказать, — произнес поменявшийся в лице митрополит.

— Как узнали, что между нами пробежала кошка, так дня не проходит, чтобы мне ябеду на тебя какую не принесли. Твои же люди и несли. И болтают почему зря. Оттого и веры им нет. Мню — подговорил их кто-то.

— Вот мерзавцы...

— Ничего не говори, друг мой, — по-свойски хлопнул по плечу уже весьма немолодого митрополита царь. — У всех бывают минуты слабости. Но в тебе я уверен. Отбросив мелочную суету, если возникнет беда, ты поддержишь меня так же, как и я не пущу в сердце свое дерзновенного поклепа и ябед пустых. Ибо только на том и стоим.

— Конечно, Государь! — бодро заявил Макарий. — Можешь быть во мне уверен.

— Вот и я о том думал, когда слушал навет злоязыкий.

— Государь, я строго-настрого приказал своим людям не трогать Андрея. Но он сам к ним обратился за помощью. И я..

— Ведаю о том, — перебил его царь. — Еще в декабре мне о том все рассказали. Интересная задумка. И мне безумно любопытно узнать, что из всего этого получится.

— И ты не серчаешь на самоуправство моего человека?

— Пока рано об этом говорить, — ответил царь, очень многозначительно подмигнув Макарию.

Они прошли следующие шаги десять в полной тишине. Лишь митрополит тяжело дышал. Сказывался возраст и переживания.

— Светлая голова, говоришь? — нарушил тишину царь.

— Светлая.

— Чем же?

— Образован славно. Мыслит непривычно. Подмечает то, что иные не замечали. Отец Григорий просил слезно его себе в ученики. Сказывал, будто бы он сможет много пользы принести и церкви нашей православной, и державе твоей.

— А с ним по-хорошему ты не хотел поговорить? Или людей своих послать к нему да увещевать.

— А..

— Что?

— Нет. Мне сказывали, будто он дик.

— Брехали.

— Но..

— Ты мне не веришь? Я с ним разговор вел. Очень рассудительный муж. Но ныне более его не трогай. Совсем не трогай. Даже если пожелает по-

стриг принять — ко мне отправляй. Узнаю, что шалишь, — осерчаю.

— Да, государь, — охотно кивнул митрополит.

— Тебе твоего татя-то отдать? Мастер в своем деле он добрый.

— Зачем он мне ныне? Одна головная боль от него. В простом деле не справился.

— Ну как знаешь...

Снова прошли несколько шагов в тишине.

— Татарина, надеюсь, ты мне в слуги не метишь? — осторожно поинтересовался Макарий.

— А? Нет. Татарин и татарин. Командовал отрядом, что за долю в добыче прикрывал охотников, шастающих по землям моим. Я за него уже сговорился на несколько наших пленников выменять.

— Слава Богу! — без тени наигранности произнес митрополит и перекрестился.

— Только...

— Что? — нервно переспросил Макарий.

— Странную вещь он мне поведал. Оказывается, кто-то из местных один из отрядов охотников нацелил на Андрея. Обещая золотые горы. И мне интересно, кто этот человек. Ничего сказать мне не хочешь?

— Государь, клянусь! — воскликнул митрополит и поцеловал крест. — Мне о том ничего не известно. Даже если кто из моих людей и шалил, то мне ничего не сказывал.

— Да ты не кипятись, — примирительно произнес царь, глядя ледяными глазами на митрополита, — просто если вдруг узнаешь, я буду очень благодарен. Эту гадюку, что супротив своих водит супостатов, надо найти и раздавить.